

В.Ю. Жаркая

**“ШЕСТОДНЕВ” ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО
СРЕДИ ИСТОЧНИКОВ
“ХРОНИКИ” МИХАИЛА ГЛИКИ**

“Хроника” Михаила Глики, автора XII в., является компилятивным сочинением, повествующим о времени от сотворения мира до смерти императора Алексея Комнина¹. Впервые это произведение наряду с другими трудами автора было рассмотрено в работе К. Крумбахера², посвященной личности и творчеству Глики. К. Крумбахер в основном останавливается на содержании “Хроники”, особенно двух первых ее частей. Также “Хроника” Глики с различных точек зрения рассматривалась в статьях Л.Т. Авилушкиной³, посвященных историческому и культурному значению произведения. Выявлению источников третьей и четвертой частей хроники посвящена диссертация С. Мавромати-Катсуяннопулу⁴. Этому автору также принадлежит обширная статья⁵, в которой рассматриваются многочисленные источники первой части хроники, где повествуется о сотворении мира. Мавромати-Катсуяннопулу проделана большая работа, в результате которой удалось идентифицировать большинство источников. Однако в статье практически ничего не говорится о методах работы Глики и почти не высказываются предположения о том, чем он руководствовался при выборе источников и при отборе материала для своего повествования. Мы же ставим себе задачу прежде всего понять способы работы Глики с источниками, дабы через толщу заимствованного текста разглядеть индивидуальные черты автора. Достижение этой цели требует детального сравнения “Хроники” с теми сочинениями, к которым Глика обращался при ее создании.

Самого поверхностного знакомства с текстом “Хроники” достаточно, чтобы понять, что Глика сочетает сведения, заимствованные из самых разных источников. Текст “Хроники” делится на четыре части. Повествование в каждой из этих частей основано на разном наборе сочинений. Так, если в частях, посвященных римскому и византийскому периодам, среди источни-

¹ Michaelis Glycae Annales. Bonn, 1836. (Далее: G.).

² *Krumbacher K. Michael Glycas. Eine Skizze seiner Biographie und seiner litterarischen Thaetigkeit nebst einem unedirten Gedichte und Briefe desselben // Sitzungsberichte d. philos.-philol. und hist. Cl. D.K. Bayr. Ak. D. W. 1894, H. III. S. 391–460.*

³ *Авилушкина Л.Т. К вопросу о месте хроники Михаила Глики в системе византийского образования // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987. Вып. 5. С. 184–187; Она же. Новые аспекты в изучении творчества Михаила Глики в современной историографии // ВВ. 2000. Т. 59; Avilushkina L. New Testament topics in Michael Glykas' Chronicle // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. L., 2006. P. 21–26.*

⁴ *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ. Χρονογραφία του Μιχαήλ Γλυκά και οι πηγές της (περίοδος 100 π.Χ.–1118 Μ.Χ.). Thessaloniki, 1984.*

⁵ *Η εξαήμερος του Μιχαήλ Γλυκά: μια εκλαϊκευτική επιστημονική πραγματεία του 12ου αιώνα // Byzantina. 1994. Τ. 17.*

ков преобладают тексты исторического содержания, то в первой части, где рассказывается о сотворении мира, следов исторических сочинений практически нет, но используются труды совсем других жанров, богословские толкования, естественнонаучные сочинения.

В данной статье мы как раз остановимся на рассмотрении первой части “Хроники”. Мы так или иначе коснемся многих из текстов, к которым обращается Глика при создании своего повествования, однако предметом нашего особого интереса будет сочинение, которое используется им в качестве основного источника. Это “Шестоднев” Василия Кесарийского⁶. “Шестоднев” состоит из девяти гомилий, повествующих о сотворении Вселенной. Василий стремится объяснить устройство мироздания на основе текста книги Бытия, однако это не единственная задача автора: немаловажным для Василия является объяснить слушателям, как следует жить по-христиански. С этой целью он ищет в природе явления, созданные Господом как примеры добродетели и порока, и сопоставляет их с человеческими поступками. Глика при создании первой части “Хроники” во многом опирается на текст “Шестоднева”, однако далеко не во всем ему следует. Наша задача состоит в том, чтобы показать, как Глика использует текст источника, в чем проявляется влияние “Шестоднева” на автора, как и зачем он изменяет его текст, как дополняет заимствованные из него сведения, почему иногда предпочитает “Шестодневу” другие сочинения.

ГЛИКА СЛЕДУЕТ ЗА ВАСИЛИЕМ

Наиболее последовательно Глика использует текст “Шестоднева” в рассказе о пятом и шестом днях творения, поэтому наш анализ в основном должен касаться повествования о сотворении живых существ. Важно понять, в каких именно аспектах текст Глики воспроизводит текст “Шестоднева”. Сперва поговорим о неких общих закономерностях использования источника. Так, достаточно взглянуть на тексты Глики и Василия, чтобы обнаружить единство их композиционного построения. Василий всегда начинает рассказ о каждом новом дне творения с сообщения общих сведений. Если речь идет о сотворении морских обитателей, птиц или зверей, он прежде всего указывает, откуда те или иные живые существа произошли, и приводит общие сведения об их “устройстве”. Затем автор переходит к частным примерам из жизни разных животных. Примеры эти носят иной характер. Цель Василия не столько рассказать об особенностях животных, сколько привести их в качестве иллюстрации к христианскому наставлению, которое неизменно содержится в каждой истории о том или ином животном. Истории, приводимые в “Шестодневе”, композиционно не связаны. Они приводятся одна за другой, объединенные лишь назидательной интонацией автора. Это композиционное построение гомилий “Шестоднева” в общих чертах и воспроизводит Глика. Порой в изложении Глики имеет место даже некоторая формальная зависимость от структуры повествования его источника. Она вынуждает Глику в начале рассказа о сотворении новых существ обращаться прежде

⁶ *Basile de Césarée. Homélie sur l’hexaéméron* P., 1968. (Далее: Bas.).

всего к тексту Василия, чтобы заимствовать из него общие сведения о животных, которые, впрочем, он нередко уточняет и дополняет материалом из других источников. Это не меняет, однако, того факта, что изначально наш автор ориентируется именно на текст “Шестоднева”. Приводимые Гликой далее истории про животных в основном почерпнуты также из “Шестоднева”.

Однако не все обстоит так просто. Дело в том, что, как уже было сказано, все истории в тексте “Шестоднева” обязательно содержат назидание. Но при воспроизведении эпизодов источника именно назидание Глике и свойственно опускать. В этом проявляется одна из главных особенностей его работы как с основным источником, так и с другими сочинениями. Глика может буквально воспроизводить эпизоды из чужих текстов, но всегда оставляет за собой право вложить в заимствованный отрывок тот смысл, который ему кажется важным, или же не вкладывать никакого. Подобная авторская свобода позволяет Глике приводить истории из “Шестоднева” в ином ключе, чем они поданы в источнике: наш автор излагает их зачастую не в качестве примера добродетели и порока, но как некие интересные сведения. Можно сказать, что Глика воспринимает текст “Шестоднева” прежде всего как сюжетный источник.

НАЗИДАНИЕ ИЛИ ИНТЕРЕСНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Если назидание источника кажется Глике излишним, он его попросту опускает. Однако порой Глика считает недостаточным устранить нравоучение Василия, он по-своему “обыгрывает” те эпизоды, которым хочет найти место в своем повествовании. Нередко он заменяет назидание обращением к читателю, в котором говорит о намерении сообщить интересные сведения. Например, Василий, рассказывая про нерест, говорит, что рыбы единым потоком плывут через Мраморное море в Черное, поскольку там вода слаще и она больше подходит для рождения и вскармливания детей (Βασ, hom. 7. § 4, 21–44). Главным для Василия во всей этой истории оказывается то, что в отличие от людей, не принимающих спасительных наставлений, рыбы не прекословят Божественному закону (οὐκ ἀντιλέγουσιν νόμῳ Θεοῦ) и все вместе одновременно плывут летом в чужое море, а при наступлении холодов возвращаются домой также единым потоком. Этот эпизод приводит и Глика, но посыл у него другой. Автор “Хроники” в отличие от Василия не считает важным ставить рыб в пример “неразумным людям”, он видит свою задачу в другом – в сообщении полезных сведений, поэтому он предваряет приводимый отрывок фразой: “Если спросишь, для чего рыбы единым потоком плывут через Пропонтиду в Евксинский Понт...”, а затем рассказывает всю изложенную выше историю про нерест (G. 65.21–66.11).

СОКРАЩЕНИЕ ТЕКСТА ИСТОЧНИКА И ИЗМЕНЕНИЕ СМЫСЛА

Иногда Глика не просто сокращает при заимствовании текст “Шестоднева”, но соединяет отрывки таким образом, что общий смысл становится несколько иным, чем в источнике. Делает ли это Глика специально, или так он понимает текст Василия, сказать сложно, но попытаемся сделать это на

примере одного эпизода. В начале восьмой гомилии Шестоднева приводятся общие сведения о птицах, об их особенностях и образе жизни (Bas., hom. 8. § 3, 1–49). Среди прочего Василий говорит, что “из птиц одни никому не подвластны и словно самостоятельны, другие подчиняются предводителю, как, например, журавли” (Bas., hom. 8. § 3, 28–30). Затем Василий говорит о том, что одни птицы улетают на зиму, а другие остаются, одних легко приручить, других же невозможно, о том, что все поют разными голосами и т.д. (Bas., hom. 8, § 3, 30–49). И только после этих рассуждений Василий переходит к изложению частных примеров. Первый эпизод, который приводит Василий, посвящен описанию жизни пчел (как существ, способных летать) (Bas., hom. 8. § 4, 1–26). Василий приводит их в качестве примера общественной жизни, где усилия каждого направлены на общее благо (τὸ πρὸς ἕν πέρας κοινὸν συννεύειν τὴν ἐνέργειαν τῶν καθ' ἕκαστον) (Bas., hom. 8. § 4, 3–4). Он говорит, что пчелы живут вместе, в одном доме, делают общую работу, а кроме того, отмечает автор “Шестоднева”, подчиняются единому начальнику, после чего объясняет, в чем это подчинение выражается (Bas., hom. 8. § 4, 5–24).

Что же делает со всем вышеперечисленным Глика? Он приводит фразу о птицах, из которых “одни никому не подвластны, а другие подчиняются предводителю” (G. 77.16–17), а затем, опустив описание остальных птичьих особенностей, вдруг переключается на рассказ про пчел. Только о том, что они живут единым обществом, Глика не упоминает, а сразу говорит о подчинении начальнику (G. 77.18–21). Таким образом, сократив текст источника, Глика объединяет по смыслу общее рассуждение с конкретным примером, которые в источнике никак не связаны и отстоят друг от друга. В результате Глика придает эпизоду несколько иной смысл: у Василия главной особенностью пчел является их жизнь в обществе, а для Глики – их подчинение предводителю. В действиях Глики можно усмотреть прежде всего вдумчивость при компилировании текста, ведь он связывает по смыслу куски, напрямую не связанные.

Теперь следует привести доказательство того, что автор хроники сознательно привносит свое видение, и тем самым изменение смысла не является случайным последствием действий компилятора. Рассмотрим подробнее отрывок о том, как пчелы подчиняются единому начальнику. В “Шестодневе” говорится, что они никогда не вылетают на луг прежде, чем увидят, что туда отправился их предводитель (Bas., hom. 8. § 4, 7–9). Дальше Василий рассуждает о том, как этому предводителю досталась такая власть над всеми. Он говорит, что вожак у пчел не избирается (поскольку “часто неразумие народа избирает для власти худшего”) и не назначается по жребию (“ведь бессмысленная случайность жребия возлагает часто власть на последнего из людей”), но и не становятся правителями по наследованию от отца (“ибо такие из-за изнеженности и избалованности по большей части остаются неумелыми и совсем непричастными добродетели”), но тот становится вожаком, “кто от природы имеет превосходство над всеми, выделяясь размером и формой и кротостью нрава” (Bas., hom. 8. § 4, 10–18). Что же отбирает из этого потока рассуждений Глика? Весьма немного – лишь то, что предводитель не избирается (οὐ χειροτονητός), а затем приводит последнюю фразу

о превосходстве от природы (ἐκ φύσεως ἔχων τὸ κατὰ πάντων πρῶτεϊον, καὶ μευέθει διαφέρων καὶ σχήματι καὶ τῇ τοῦ ἦθους πραότητι) (G. 77.21–23).

Можно опрометчиво заключить, что Глика сокращает текст бездумно. Но, вероятно, человеку, жившему в эпоху Комнинов, было не с руки рассуждать о справедливости наследования власти. Осознанно ли Глика опустил часть рассказа о предводителях пчел или нет, с уверенностью сказать пока нельзя. Однако можно взглянуть на этот компиляторский ход с точки зрения тех изменений, которые Глика вносит в текст источника дальше. Дело в том, что Василий рассказывает, что “у царя пчел есть жало, но он не использует его для мести, потому что по неписаному закону природы, те, кто достиг высшей власти, медлительны в наказании. Но если какие-либо из пчел не последуют примеру царя, они раскаиваются в своем неразумии, потому что погибают пораженные жалом” (Bas., hom. 8. § 4, 20–24). Глика приводит отрывок про жало почти без изменений, у него немного отличается лишь последняя фраза (G. 77.23–78.5). Глика заменяет вводные слова “но если” (Ἀλλὰ καὶ) на “таким образом” (οὕτω), и тем самым несколько изменяет смысл. Предложение Василия имеет уступительное значение, он хочет сказать, что пчелиный царь медлителен в наказаниях, но если пчелы не следуют за ним, то погибают от жала. Глика же своим “οὕτω” придает фразе консеквативный оттенок, чем нарушает логику текста источника. У него получается, что “царь не использует жало для мести”, что “достигшие высшей власти медлительны в наказании, вот так те, кто не следует примеру царя погибают от его жала” (G. 78.4–5). Непоследовательность повествования Глика в данном месте очевидна, однако если возможно предположить, что слово “ἄργός” у него употребляется не в значении “медленный”, но напротив, в значении “быстрый”⁷, и что тем самым “правители быстры в наказании”, то логика восстанавливается. Однако даже если это не так или тем более, если это не так, поражает, как Глика зачем-то меняет несколько слов и привносит, возможно, сам того не замечая, иной смысл. Этот иной смысл раскрывается в конце истории про пчел и их предводителя. У Глики эпизод заканчивается фразой, противоположной тому, что говорится в источнике. Василий завершает эпизод нравоучением: “Пусть прислушаются христиане, которым повеление никому злом не воздавать за зло, но побеждать зло добром” (Bas., hom. 8. § 4, 24–26). Как мы видим, Василий во всей этой истории делает акцент на милости царя, не употребляющего жало для мщения. Глика же завершает рассказ совсем иначе: “Они получают наказание достойное своей нерадивости/дикости” (ἄξια τῆς ἐαυτῶν ὀμότητος εὐρίσκουσαι τὰ ἐπιχέιρα) (G. 78.6). Существенное изменение Гликой концовки эпизода свидетельствует о том, что он понимает историю про пчел иначе, чем она представлена в источнике. Даже если мы не можем ответить, почему он это делает, следует обратить внимание на странность самой фразы, которую использует Глика. “εὐρίσκω ἄξια ἐπιχέιρα” (чаще с глаголом κομίζομαι), мы обнаружили в других текстах только 28 раз, причем почти всякий раз речь шла о Божественном наказании, или же по крайней мере о чем-то неотвратимом (например, у Андрея Кесарийского в “Комментариях на Апокалипсис”⁸; или у самого

⁷ Greek-English Lexicon // Ed. H.G. Lidell, R. Scot. Oxford, 1996, s.v.

⁸ Andreae Commentarii in Apocalypsin. München, 1955. Log. 12. Cap. 36. § 13.9–§ 10.5.

Глики в “Богословских письмах”⁹). Вот какой смысл у Глики получается в целом: пчелы подчиняются одному начальнику, он оказывается во всех смыслах замечательным правителем; есть у него среди прочих достоинств жало, которым он в наказание убивает непослушных, осуществляя тем самым почти божественную волю.

ГЛИКА ДОПОЛНЯЕТ ВАСИЛИЯ

Зачастую Глика дополняет “естественнонаучные” сведения “Шестоднева”. Однако нередки в его “Хронике” и такие ситуации, когда он дополняет богословские толкования источника. Так, в “Шестодневе” рассказывается о том, что “коршуны по большей части рождают без зачатия и являются при этом долгожителями (их жизнь длится до ста лет) (Bas., hom. 8. § 6, 27–29). Василий приводит сравнение с чудом Богородицы: “Я это отметил для того, говорит Василий, чтобы ты, если увидишь, что кто-нибудь смеется над нашим чудом, как над невозможным в природе, что дева родила и девство осталось нетронутым, вспомнил, что пожелавший в простоте проповеди спасти верующих, заложил тысячи доказательств в самой природе ради веры в чудо” (Bas., hom. 8. § 6, 29–36). Воспроизводя историю про коршунов, Глика почти дословно переписывает текст Василия, он опускает лишь одну фразу “по большей части” (рождают вне брака) (G. 81.1–2). Делает он это специально, поскольку это связано с последующим текстом, в котором Глика прибегает к другому источнику. Оказывается, история про коршунов содержится также в одном светском сочинении, а именно в “Естественнонаучных вопросах” Феофилакта Симокатты, автора VII в.¹⁰ Вслед за Феофилактом Глика рассказывает следующее: коршуны вынашивают детей три года, коршунов самцов не существует (поэтому Глика опускает “по большей части”). Поскольку законы природы требуют, чтобы коршуны рождали без зачатия, весь их род состоит из самок. Осознавая это (ὄφρα ἐπιστάμενοι), и боясь остаться бездетными, они все вместе устремляются к продолжению рода, и вот что делают удивительное: летят навстречу южному ветру, а его нет, то к юго-восточному расправляют свои крылья, открываются (κεχήνασι), позволяя дыханию ветра проникнуть внутрь, и так рождают детенышей. Природе требуется много времени для завершения плода, поскольку ей очень трудно сделать сущностью дыхание (οὐσίωσαι τὸ πνεῦμα) и создать живое существо из тончайшей материи (πρὸς ζῶον πλαστοῦργεῖν τὸ λεπτότατον) (G. 81.10–22; Simocata. 24.1–14). Глика воспроизводит текст Симокатты практически без изменений, за исключением одной вещи. Симокатта сравнивает самок коршунов, которые направились навстречу южному ветру с отчаявшимися Лемносскими женами, устремившимся навстречу аргонавтам (Simocata. 24.5–7). Глика же этот эпизод опускает, и вместо него приводит другое сравнение. Причем если в отрывке, списанном из Василия, оно носило почти формальный характер, то здесь обретает более чем конкретные формы. Вот что Глика говорит: “Стало быть если услышишь, что Богородица забеременела без зачатия, ее осе-

⁹ Μιχαὴλ τοῦ Γλυκᾶ. Εἰς τὰς ἀπορίας τῆς Θείας Γραφῆς. Alexandria, 1912. Cap. 46.32.16.

¹⁰ Teofilatto Simocata. Questioni naturali. Napoli, 1967. (Далее: Simocata).

нил Святой Дух (αὐτῇ πνεύματος ἁγίου ἐπισκιάσαντος), и Господь, согласно пророку, пришел от Фемана (τοῦ κυρίου κατὰ τὸν προφήτην ἀπὸ Θαμῶν ἤξαντος), не стоит совершенно этому не доверять (μηδ' ὅλως ἀπίσται), хотя в действительности это и представляется странным” (G. 82.1–4). Казалось бы, в самих словах Глики нет ничего необычного. Фраза про осеняющий Святой Дух содержится в Евангелии от Луки¹¹, а слова про Феман взяты из пророка Аввакума¹²; встречаются они во многих других сочинениях. Но только Глике пришло в голову связать эти фразы воедино, да еще поставить их в контекст, согласно которому Дух Святой превращается в дыхание ветра, а Феман – в то место, откуда этот ветер/Дух дует, т.е. в юг. Получается, что в каком-то смысле Богородица зачала от южного ветра, подобно самкам коршуна! Так Глика из формального сопоставления, приведенного у Василия, развивает буквальное сравнение, сочетая для этого “научные” сведения о коршунах с цитатами из Писания.

ВАСИЛИЙ ИЛИ АНАСТАСИЙ

Можно ли считать осуществляемые Гликой добавления к “Шестодневу” из светских, в том числе античных, сочинений отступлением от идей и направленности основного источника? Думаем, что нет, поскольку Глика никоим образом не отступает от христианского мировосприятия, тем более, что и сам Василий несомненно пользовался языческими источниками. “Научное” и христианское либо гармонично сочетаются в тексте Глики, дополняя друг друга, либо существуют параллельно и не противоречат одно другому. Совсем иначе дело обстоит с двумя разными традициями, существующими в рамках единого мировоззрения. У них имеется больше общих точек соприкосновения, и потому они не могут не вступать в противоречия друг с другом. В данном случае мы имеем в виду две традиции толкования Писания – буквальную и аллегорическую. Обе они представлены в “Хронике” Глики. Первую традицию представляет “Шестоднев” Василия. В роли второй выступает “Шестоднев” Анастасия Синаита¹³.

“Шестоднев” Анастасия наравне с другими сочинениями этого автора используется у Глики достаточно широко. Анастасий несомненно является для него большим авторитетом. Здесь мы не будем подробно останавливаться на заимствованиях из трудов Анастасия. Нас интересуют только те сюжеты, которые отразились в обоих “Шестодневах”, поскольку зачастую они получают разную интерпретацию у двух авторов. Необходимо определить, чье толкование Глика предпочитает или как он сочетает противоречащие друг другу теории. В “Шестодневе” Василия приводится эпизод о том, как земной змей, самое “суровое” из пресмыкающихся, свистом призывает морскую мурену к брачному соединению, и мурена покорно выплывает и соединяется с ядовитым змеем (Bas., hom. 7. § 5, 35–38). В конце эпизода Василий при-

¹¹ Novum Testamentum, Evangelium secundum Lucam. 1, 35, 2.

¹² Habacuc. 3, 3, 1.

¹³ Anastasii Sinaitae, Hexaameron // PG. T. 89. 1865. (Далее: Anast.). Мы используем старое издание, поскольку новое пока недоступно. См.: Anastasius of Sinai, Hexaameron / C.A. Kuehn., J.D. Baggarly, J.A. Munitiz. Roma, 2007.

водит два поучения. Оба они принадлежат к одной сфере жизни, однако выражают противоположный смысл: в первом назидании мурена уподоблена смиренной жене, готовой сносить все недостатки жестокого мужа – земного змея, а мужей Василий призывает отказаться от жестокости по отношению к женам, подобно тому, как змей выплевывает свой яд перед соединением с муреной (Bas., hom. 7. § 5, 39; § 6, 4); второе назидание основано на том факте, что соединение земного змея с муреной является прелюбодеянием, поскольку природа этих существ различна, поэтому и люди не должны посягать на чужих супругов, ведь таким образом они уподобятся пресмыкающимся (ἐρλετῶ παραλλήσιοι) (Bas., hom. 7. § 6, 4–8).

Глика тоже приводит эпизод про мурену, но толкует его совершенно иначе¹⁴: “Земной змей подходит к берегу и свистом призывает мурену к соединению. Морской змей, то есть мурена, услышав свист, сразу выплывает. Они соединяются, но прежде змей выплевывает свой яд, затем они расстаются. Отсюда понятно – поясняет Глика – что и *умственный змей* свистом и соблазнами, притворно кротким нравом и ложно добрым советом увлекает людей по своему желанию (κατὰ τὸ βουλήτὸν αὐτῷ) и сближается с ними, уводя их от воды и духа...” (G. 74.11–21).

Такое толкование представляется в устах Глики естественным, если учесть контекст, в который автор помещает рассказ. Дело в том, что он предваряет историю про мурену сведениями о размножении рыб, заимствованными из “Шестоднева” Анастасия (Anast. V. Col. 918). “Самцы и самки рыб, – говорит Глика, – плавают отдельно и не соединяются, а рождаются они без семени из воды и дыхания ветра, напоминая этим наше духовное рождение от воды и духа” (G. 74.3–8)¹⁵.

Итак, Глика вслед за Анастасием связывает жизнь рыб в воде с идеей праведной жизни человека в крещении. В тексте Анастасия после рассуждений о жизни в воде также приводится история про мурену, только выглядит она несколько иначе: “...рассказывают, что мурена, выплывая из моря, соединяется с морским (sic) змеем. Ведь они не хотят иметь отцом Господа, а матерью водоем, и лишь для вида, подобно Симону Магу, обратились к крещению, а сами, напротив, избрали себе отцом дьявола, древнего змея... и отказались от вод водоема. Ибо не в нем они рождаются и, подойдя к земле, принимают происхождение, которое является жизнью нисколько не просветленной, ведь *над водой*, а не над землей носился Дух” (Anast. V. Col. 918).

Как мы видим, сюжет у Анастасия сильно отличается от изложенного Гликой, хотя бы потому, что ни о каком земном змее Анастасий не упоминает: сказано, что мурена соединяется со *змеем морским*, а змей земной – это тот, от кого она происходит, или кого “избирает” своим прародителем. Тем самым мурене не нужно покидать воду для того, чтобы отойти от христианской жизни, ей достаточно вспомнить о своем земном происхождении и жить

¹⁴ Стоит оговориться, что в “Хронике”, несмотря на частые обращения автора к вопросам сексуальной морали, проблемы семьи и брака затрагиваются весьма редко, поскольку назидание касается по большей части целомудрия, а не супружеской верности.

¹⁵ У Василия, между прочим, говорится о размножении по-другому, он упоминает о том, что среди рыб не бывает смешения пород, подобно тому, как это происходит у некоторых животных и птиц, но речь у него идет именно о семенном размножении – рыбы мечут икру (Bas., hom. 7. § 2, 39–45).

греховной жизнью в воде, встречаясь с муренами-самцами. Совсем иначе понимает судьбу героини Глика, ведь у него мурена живет праведной жизнью в воде до тех пор, пока земной змей – дьявол – не уведет ее от воды. Как мы видим, Глика заимствует лишь общую мысль Анастасия, а эпизод, призванный эту идею иллюстрировать, он, как ни странно, заимствует у Василия (стоит вспомнить, хотя бы деталь с выплевыванием яда). Глика причудливым образом объединяет тексты из двух источников, при этом ему удается несколько изменить идею Анастасия, используя детали сюжета из Василия.

Образ змея встретится нам еще раз в “Хронике” и снова в связи с дьяволом и “Шестодневом” Анастасия. Рассмотрим один эпизод, которым начинается рассказ о шестом дне творения в хронике. Этот эпизод Глика заимствует из “Шестоднева” Василия (G. 93.5–11). Речь в нем идет о том, что природа земных животных совершеннее природы морских обитателей. К этому выводу Василий приходит, стараясь объяснить, почему в Писании сказано, что “вода произвела души живые”, а “земля душу живую” (Bas., hom. 8. § 1, 23–24). Глика же помещает этот эпизод в другой контекст. Он задается вопросом, почему рыбам было дано повеление “плодиться и размножаться”, а земным существам это приказано не было. Для ответа Глика обращается к тексту Анастасия Синаита, где это противоречие получает вполне традиционное в духе Анастасия и аллегорической традиции разрешение. Оказывается Господь предвидел, что через змея придет обман, и он будет проклят, поэтому он и не торопился благословлять земных животных (εὐλογίας ἀξίωσαι τὰ χερσαία οὐκ ἔφθασεν), дабы среди благословенных не оказался и отверженный (G. 93.1–5; Anast. V. Col. 928). А далее Глика обращается к тексту Василия, где говорится, что природа морских животных причастна к более несовершенной жизни (τῶν μὲν νηκτῶν ἢ φύσις ἀτελεστέρας πῶς δοκεῖ ζωῆς μετέχειν) по сравнению с природой земных существ (Bas., hom. 8. §1, 25–26; G. 93.5–6). Глика воспроизводит эту фразу с единственным отличием, жизнь рыб вместо “несовершенной” “ἀτελεστέρας” у него названа простой “εὐτελεστέρας”. Имеет ли данное отступление какое-то значение, можно понять, сравнив тексты дальше. Глика вслед за Василием поясняет: “Слух у них (рыб) ослаблен, видят они смутно, нет у них ни памяти, ни воображения, ни узнавания привычных вещей” (G. 93.7–9)

Казалось бы, у Глики выражена та же мысль, что и у Василия, а именно, что земные животные более совершенные создания, чем рыбы. Но в тексте Глики кроется еще один дополнительный смысл, который отсутствует в источнике. Глика далеко не полностью воспроизводит текст “Шестоднева”. Так, у Василия далее сказано, что у рыб плотская жизнь управляет душевными движениями, тогда как у земных животных наоборот – душа обладает большей силой, что чувства у них более ясные, восприятие окружающего остро, память о прошлом точна, и хотя они бессловесны, но многие чувства выражают голосом, например, радость или грусть. А морские животные не только немые, но и не приручаемы, не обучаемы, не приспособлены к жизни с людьми (Bas., hom. 8. § 1, 24–36). Из всего этого Глика воспроизводит только фразу о том, что у земных животных чувства ясные и есть точная память о прошлом (G. 93.10–11).

Немногословие нашего автора в данном месте раскрывается через примеры, которые оба автора, Василий и Глика, приводят в подтверждение идеи

о превосходстве земных животных. Василий говорит о том, что бык знает своего владельца, а осел знает свои ясли, он узнает привычный голос и дорогу, по которой часто ходил, и даже может быть проводником заблудившемуся человеку, кроме того, он обладает таким острым слухом, как ни одно другое земное животное. Еще у Василия говорится про злопамятство верблюда, который, даже спустя время, оплатит за некогда нанесенную ему обиду (Bas., hom. 8. § 1, 41–54). Глика же заимствует из текста источника только фразу о том, что осел узнает знакомый голос и привычную дорогу; дословно воспроизводит Глика и отрывок про верблюда (G. 93.11–18).

Вслед за этим он рассказывает о злопамятстве другого животного – слона (G. 93.18–94.3). На этот раз это не отвлеченные рассуждения, а история, некогда прочитанная им. В двух разных вариантах она содержится в сочинении “Patria Constantinopoleos”¹⁶. Ее общий смысл сводится к тому, что слон, однажды обиженный трапезитом, отомстил ему спустя десять лет. Отличие рассказа Глика о слоне состоит в том, что наш автор явно на стороне трапезита, поскольку слон у него накинудся на несчастного дико и беспощадно (ἀναίδως πῶς καὶ ἀτάκτως ὀρέψας κατ’ αὐτοῦ) (G. 91.21–22), в то время как в “Patria Constantinopoleos” скорее выражена идея справедливого отмщения (ведь по одной из версий пораженный произошедшим Семптимий Север приказал создать огромную статую слона и поставить ее возле Миллиона (Patr. II. 41.13–15). Глика приводит далее еще два эпизода про животных. На первый взгляд они ничем не отличаются от уже упомянутых, но при внимательном чтении они могут прояснить некую общую мысль автора, не выраженную им явно. В первом эпизоде говорится про леопарда, который имеет естественную агрессию по отношению к людям, и особенно часто набрасывается на глаза человека, а увидев изображение человека на бумаге, может ее растерзать (G. 94.3–7).

Казалось бы, данный эпизод вполне укладывается по смыслу в то, о чем говорилось выше. Однако если мы обратимся к источнику этого отрывка, то мы обнаружим еще один важный смысл, помимо выраженного напрямую. Глика называет источником приводимых сведений все того же Василия, вот только сочинение, из которого наш автор заимствует, это не “Шестоднев”¹⁷. В этом сочинении действительно упоминается о леопарде, но главным образом не о нем. Леопард “нужен” Василию лишь для сравнения, а речь у него идет о дьяволе, который не может обратить свой гнев непосредственно к Богу и поэтому истязает его образ и подобие, т.е. человека (леопард разрывает изображения человека).

Здесь и проявляется тот самый невыраженный смысл, о котором речь шла выше. Ведь если задуматься, этот эпизод, как и предыдущие, призван иллюстрировать идею о превосходстве земных животных над морскими. Появление в рассказе Глика намек на дьявола означает, что автор своими примерами доказывает отнюдь не идею Василия о превосходстве земных животных, а мысль Анастасия о благословении, которого они не сподобились. Глика не говорит о дьяволе напрямую, но почему-то ему приходит в голову привести именно этот отрывок и именно из такого контекста. И точная память, о кото-

¹⁶ Pseudo-Codini Patria Constantinopoleos. Leipzig, 1907. II. 41.4–15; III. 89.1–9.

¹⁷ Basilii Caesariensis Homilia dicta in Lacisis // PG. T. 31. 1885. Col. 1456.

рой речь шла в начале, уже означает лишь злопамятность, и можно понять, почему жизнь рыб у Глики из “несовершенной” (ἀτελεστέρως) превратилась в “простую” (εὐτελεστέρως).

ВАСИЛИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ

Помимо христианских источников и естественно-научных сочинений византийского времени Глика обращается и к трудам античных авторов. Так, он нередко использует сочинения Аристотеля о животных. Глика приводит из сочинения Аристотеля “О частях животных”¹⁸ эпизод про устройство моллюсков. Среди прочих, он рассказывает о полипе (Arist. 679.10–13; G. 72.1–3). Глика воспроизводит текст своего естественно-научного источника достаточно точно, есть лишь один эпизод, который не поддается отождествлению, и, по всей видимости, взят из другого источника. Звучит он так: “Он (полип) прикрепляется к камню щупальцами и меняет свой цвет, но только не на белый” (ἀμείβει καὶ τὴν χροιάν, ἄνευ μέντοι τοῦ λευκοῦ χρώματος) (G. 72.4). Дословного соответствия этой фразе мы не нашли в других текстах, хотя про полипа рассказывается во многих сочинениях. В “Шестоднев” есть фрагмент о том, что полип меняет окраску и становится того цвета, что и камень, к которому он прикрепляется, вот так и лицемерные люди, пишет Василий, меняют свои убеждения в соответствии с обстоятельствами (Bas., hom. 7. § 3, 39–49). Как видно отсюда, у Василия не говорится ничего об исключении белого цвета. Поэтому следует обратиться к другим произведениям, однако держа в голове одно обстоятельство, что отрывок из “Шестоднева” назидателен, а Гликин текст вроде бы научен, коль скоро он основывается в данный случае на труде Аристотеля.

Единственное сочинения византийского времени, в котором говорится о том, что полип меняет цвет на любой, *кроме белого*, – это “Всестороннее учение” Пселла: “Ни полип, ни хамелеон не изменяют цвет на белый, поскольку не имеют для этого цвета соразмерных пор, для других же цветов поры у них подходят”¹⁹. Из текста Пселла следует, что полип не единственное животное, которое не может поменять цвет на белый – такой же особенностью отличается и хамелеон. Дословных совпадений между сюжетом из “Всестороннего учения” и текстом Глики мы не встретили. В результате поиска источников оказалось, что если про полипа не говорит никто, кроме Пселла, то про хамелеона повествуют многие авторы – это у них общее место. Приведем несколько примеров: “Хамелеон изменяет цвет на любой, только не приемлет изменения на красный и белый”²⁰ или: “Он (хамелеон) может стать любого цвета, кроме белого”²¹. Важно отметить, что оба текста для выражения мысли о невозможности для хамелеона окраситься в белый цвет используют сходную синтаксическую конструкцию “πλὴν τοῦ λευκοῦ”, и эта конструкция напоминает Гликино “ἄνευ τοῦ λευκοῦ χρώματος”, где “ἄνευ” употреблено в той же функции, что и “πλὴν” (разве что речь у Глики не о

¹⁸ Aristote. Les parties des animaux. P., 1956.

¹⁹ Michaelis Pselli De omnifaria doctrina. Nijmegen, 1948. 181.3–15.

²⁰ Theophrasti Fragmenta. P., 1866. Fr. 172.1, 5–6.

²¹ Plutarch's moralia. Vol. 1. Cambridge, 1927. 53, § D 6.

хамелеоне, а о полипе). Мы даже обнаружили поговорку, в которой говорится: “Χαμαιλέων ζῴον ἐστὶν εἰς πάντα τὴν χροῶν μετατρέπον πλὴν τοῦ λευκοῦ”²².

Пословицы, как известно, несут дополнительный смысл помимо прямого. Что касается смысла приведенной, то его можно понять, обратившись, например, к тексту хронографии Никиты Хониата. Хониат сравнивает одного из героев с хамелеоном, который “может легко принять любой цвет, кроме белого цвета правды”²³. У Хониата белый цвет – цвет правды, поэтому это единственный цвет, который не может принять такое изменчивое и вводящее в заблуждение существо, как хамелеон. Возможно, именно такой смысл имеет приведенная выше поговорка. И смысл этот напоминает нам никого иного, как Василия Великого с его нравоучением о лицемерии.

Подведем некоторые итоги. Главный Гликин источник, “Шестоднев”, в рассказе о полипе содержит нравоучение, однако Глика, читая этот отрывок наравне с другими, нравоучение не заимствует. Сведения, которые он приводит, с одной стороны, научны, так как по смыслу дополняют текст Аристотеля, но с другой – выражены в той же форме, что поговорка. Таким образом, эпизод про полипа у Глики неизбежно (и неосознанно для автора) содержит нравоучение, то самое, что Глика читал у Василия, но все же напрямую не использовал. Получается, не стоит занижать степень зависимости Глики от Василия, появляющейся даже тогда, когда сам автор “Хроники” этого не желает.

ВАСИЛИЙ КАК АВТОРИТЕТ ДЛЯ ГЛИКИ

Как стало видно, влияние “Шестоднева” часто проявляется в тексте “Хроники” опосредованно. Глика порой неосознанно изменяет сюжеты, заимствованные из других текстов, таким образом, что они начинают соответствовать идейной направленности его основного источника. Однако есть и иная сторона его отношений с “Шестодневом”: Глика нередко в открытую называет Василия источником приводимых им сведений. По большей части Глика ссылается на Василия, когда не просто заимствует сюжет из “Шестоднева”, но приводит из него то или иное богословское толкование или назидание. Ссылка на источник важна как подтверждение “правильности” высказанных мыслей. Имя Василия звучит при этом у него гораздо чаще, чем имя любого другого богослова. Особенно часто Глика упоминает автора “Шестоднева” в тех случаях, когда приводит две различные точки зрения, одну из которых Глика почти никогда “не атрибутирует”, а вторую приписывает Василию. Для читателя в таком случае ссылка на источник должна была несомненно означать, что сам Глика придерживается точки зрения Василия. Таких случаев немало.

Особенно интересны, однако, не те отрывки, где ссылка на автора “Шестоднева” приводится непосредственно вслед за заимствованным из него эпизодом, но такие ситуации, когда Глика словно обманывает читателя, приводя

²² Mantissa Proverbiorum, Corpus paroemiographorum Graecorum. Vol. 2. Göttingen, 1851. Cent. 3.43.1.

²³ Nicetae Choniatae Historia. B., 1975. 136.17.

Василия в качестве источника идей, высказанных самим автором хроники, а у Василия напрямую не выраженных. Обратимся за примером к рассказу о четвертом дне творения в хронике, где среди прочего говорится о предсказаниях по звездам. Много места Глика уделяет осуждению астрологии. Он говорит, что астрология вводит в заблуждение, вынуждая полагаться на судьбу и предопределение, что святые отцы должны были “всеми руками” (ὅλαις χερσὶ) препятствовать астрологическим занятиям и что предсказание по звездам противоречит христианскому учению, так как выставляет Бога несправедливым карателем людей, не ответственных за свои злодеяния (G. 50.2–55).

В своем осуждении астрологии Глика опирается на сочинения отцов Церкви. Он пересказывает эпизод из “Псевдо-Климентин” о споре между апостолом Петром и Фавстом по поводу астрологии (G. 51.5–22), приводит слова из “Шестоднева” Василия о том, что неразумно и нечестиво полагаться на звезды (G. 52.1–16), говорит со ссылкой на Златоуста, что судьбу и звезды нельзя считать виновниками добродетелей и злодеяний человеческих (G. 52.16–53.10). Казалось бы, Глика стремится к полному развенчанию веры в силу астрологических предсказаний. Но вдруг мы читаем у него следующее: “что можно предвидеть и неясно угадывать будущее из некоторых знамений, это и мы без возражений принимаем, поскольку не можем ничего противопоставить явным проявлениям (πρόδηλοῖς πράγμασιν) ...да и что много говорить, появляющиеся на небе кометы, хотя и образуются в силу природных условий, но могут указывать на смерть царей и выдающихся личностей, о чем говорит и Великий небожитель (οὐρανοφάντωρ) Василий” (G. 56.1–13). Такой же эпизод содержится в другом сочинении Глика, в одном из его богословских писем, только там говорится, что кометы указывают не на смерть царей, а на наследование власти (διαδοχάς)²⁴.

Хотя сам Глика называет источником Василия Великого, напрасно мы стали бы искать в “Шестодневе” сведения о звездах и о порядке смены царской власти. В “Шестодневе” на этот счет сказано лишь следующее: “Если каждый момент времени положение звезд меняется из одного в другое, и в тысячах этих изменений много раз в день составляются расположения, предвещающие рождение царей, почему тогда цари не рождаются каждый день? Или почему власть всегда достается наследникам царей?..” (Bas., hom. 6. § 7, 32–40). Единственное упоминание о появлении звезд, предвещающих наследование царской власти, содержится в другом сочинении Василия, в гомилии на Рождество. Василий рассуждает о природе Вифлеемской звезды и говорит, что не правы те, кто утверждают, будто эта “звезда была подобна кометам, которые, кажется (δοκοῦσι), появляются на небе, указывая на смену царей”²⁵.

Если учесть контекст, в котором приводятся слова “о смене царей”, то кажется весьма странным, почему Глика ссылается именно на Василия, ведь в его “источнике” ничего определенного не утверждается, по крайней мере речь там идет о другом. Необходимо найти ответ на вопрос, зачем Глике вообще понадобилось говорить о небесных знамениях и наследовании власти.

²⁴ Μιχαὴλ τοῦ Γλικᾶ. Εἰς τὰς ἀπορίας τῆς Θείας Γραφῆς. Cap. 39, 472.6–9.

²⁵ Basilii Cesariensis In Sanctam Christi generationem // PG. T. 31. 1885. Col. 1472.

Дело в том, что автор хроники еще вернется к этому вопросу в другой части своего труда, где говорится о смерти Константина Великого: “Умирает он (Константин. – В.Ж.) из-за злоумышления его сводных братьев, подмешавших ему яд. Тогда, как говорят, звезда комета предвестила его смерть, поскольку обыкновенно в таких ситуациях кометы часто появляются на небе, и на это указывает Василий Великий, говоря, что кометы появляются как знамения смены правителей” (G. 466.15–20).

Вернемся, однако, к рассказу о четвертом дне творения и попробуем ответить на вопрос, зачем же Глике в его опровержении астрологии понадобилось упоминание про кометы, которое, как кажется, только путает автору карты и вводит в заблуждение читателя? Если сопоставить то, что Глика говорит в первой части хроники с рассказом о Константине, то все встает на свои места. В частности, становится понятным, почему у него говорится не о смене царей (*διαδοχάς*), как у Василия, а именно о смерти (*θανάτους*): ведь комете суждено в его хронике стать предвестником именно смерти. Но зачем Глика оба раза так упорно ссылается на Василия? Как нам кажется, такое настойчивое апеллирование к источнику на самом деле не что иное как индикатор его смущения перед тем, что ему приходится говорить, особенно в контексте поругания астрологии. Поскольку ему пришлось высказывать неприятную, чуждую для него идею, ему оказалась необходимой ссылка на авторитет. Естественно, в этой роли он не видел никого лучше Василия Великого, на которого он ссылается столь часто. Не найдя, однако, ничего подходящего в своем основном источнике (в “Шестоднев”), Глика обращается к другому сочинению, из которого и заимствует, пусть и вырванное из контекста “подтверждение” приведенных в хронике сведений. Основным источником Глики оказался в данном случае не отправной точкой повествования, но средством для реализации собственных авторских задач.